

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

УДК: 94(47)

DOI: 10.25629/НС.2022.07.01

**СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1919-1924 ГГ.:
ФОРМИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УЗЛА ПРОТИВОРЕЧИЙ**

Герасимов Д.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье исследуется важная и актуальная проблема – установление советско-китайских дипломатических связей и возникший в результате комплекс противоречий, оказавших непосредственное влияние на складывающуюся в тот период Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений.

После Первой мировой войны СССР и Китай оказались в международной изоляции. СССР – молодое государство с радикальной коммунистической идеологией, не признаваемое европейскими державами, и Китай – раздираемый внутренними противоречиями и слабый экономически, были вынуждены искать точки соприкосновения, не будучи включенными в Версальско-Вашингтонскую систему.

Тактика Советского правительства в Китае в 1920-е годы предвосхитила политику в Европе после Второй мировой войны, почти четверть века спустя. Тот простой факт, что методы, которые СССР использовал для втягивания Внешней Монголии в возглавляемый Советским Союзом коммунистический блок, предшествовали аналогичным методам, применявшимся во всей Восточной Европе после Второй мировой войны, убедительно свидетельствует о том, что некоторые, если не все, дипломатические характеристики, которые позже стали ассоциироваться с холодной войной, уже использовались в 1920-е годы.

Современные исследователи, располагая обширной источниковой базой и имея возможность проявлять научное разномыслие, находятся лишь в начале пути по созданию целостного труда по истории советско-китайских отношений в межвоенный период, значимость изучения которого возрастает для объективного осмысления истоков и причин Второй мировой войны.

Ключевые слова: Внешняя Монголия, Карахан, Веллингтон Ку, Пайкес, советско-китайские отношения, советско-китайский договор 1924 года, Дальневосточная республика, ДВР.

Теме советско-китайских отношений посвящено огромное количество работ. В своей статье мы постарались выделить работы, непосредственно затрагивающие проблематику установления дипломатических отношений СССР и Китая, а также значительный комплекс противоречий, которые возникли после окончания переговоров в 1924 г.

Среди современных исследований, следует выделить работы Н.Е. Абловой [1], А.Д. Воскресенского [2], В.С. Мясникова [3, 4], М.Л. Титаренко [5, 6], С.Л. Тихвинского [7], В.Н. Усова [8], В.Г. Дацышена [9], М.В. Кротовой [10, 11, 12], Д.Б. Славинского [13], Ю.М. Галеновича [14], Г.Н. Песковой [15], Л.Е. Гришавой [16], которые смогли обобщить накопленный опыт в изучении советско-китайских отношений советской традицией, вместе с тем, смогли прийти к

качественно новым выводам, касающиеся социально-экономических и политических аспектах. Впервые были приняты во внимание ошибки СССР во внешней политике и признаны неправомерные действия СССР по отношению к Китаю и его границам.

Узел противоречий на Дальнем Востоке, который возник после установления дипломатических отношений СССР и Китая в 1924 г., до сих пор не стал предметом отдельного научного исследования. В данной статье на основе опубликованных источников и введения в научный оборот новых архивных документов из архива РГАСПИ [17] делается попытка восполнить этот пробел.

1. Парижская мирная конференция 1919: китайский вопрос

Раскол мира на противоборствующие блоки привел к Первой мировой войне 1914-1918 гг. Война слегка затронула и Азиатский континент. Япония, выступавшая на стороне Антанты, захватила германскую военно-морскую базу в Китае – Циндао. Война закончилась поражением Германии и ее союзников.

Страны-победительницы в 1919 г. созвали Парижскую мирную конференцию, которой было суждено определить новую систему послевоенного устройства – далекую от принципов равенства и справедливости. Одним из самых сложных и противоречивых вопросов, которые обсуждались в Париже, был китайский вопрос, уходящий корнями в к. XIX в.

Еще в 1897 г. получив заверения от России, что она не будет вмешиваться, Германская империя захватила гавань Цзяочжоу в китайской провинции Шаньдун и принудила Китай согласиться на девяностодевятилетнюю аренду, начавшуюся 6 марта 1898 г. В дополнение к передаче Германии земли вокруг гавани Цзяочжоу для ее концессии в Циндао, немецким интересам было разрешено развивать несколько железнодорожных линий в Шаньдуне. Им же были предоставлены права на добычу полезных ископаемых на всех землях в радиусе десяти миль от железнодорожных линий. Наконец, если Китай хочет развивать Шаньдун, то прежде всего следует обратиться к немецким предприятиям, а это означало, ни что иное, как протекторат над провинцией – Шаньдун становился исключительной сферой влияния Германии [18, С. 7].

После начала Первой мировой войны (1914-1918 гг.) Япония стремилась выполнить свои обязательства перед Великобританией в рамках их взаимного соглашения 1902 г., требуя, чтобы Германия покинула Шаньдун. Ультиматум Японии от 15 августа 1914 г. недвусмысленно призывал Германию без отлагательств и в срочном порядке передать Японии территорию Цзяочжоу, которую она намеревалась вернуть Китаю. После двухмесячной осады 7 ноября 1914 г. японские войска заняли Цзяочжоу.

В январе 1915 г. Токио предъявил Пекину «Двадцать одно требование», которое должно было определить новое положение Японии в Китае. 13 марта 1915 г. правительство Соединенных Штатов подвергло критике «Двадцать одно требование». В результате недовольства Америки Япония изменила свое требование заставить Китай принять японскую полицию, а также отказалась от требования сделать провинцию Фуцзянь исключительной зоной для японского развития.

Тем не менее, 25 мая 1915 г. Пекин подписал договоры с Токио, даже несмотря на то, что требования Японии были значительно снижены в результате предыдущих протестов Вашингтона. Соединенные Штаты продолжали отказываться признавать «Двадцать одно требование» Японии и настоятельно призывали Китай прекратить дипломатические отношения с Германией и присоединиться к союзникам в качестве важного первого шага к отмене этих положений. 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Германии. Однако Токио предвидел проблемы, которые могут возникнуть в результате действий Китая в отношении позиции Японии в Шаньдуне, и поэтому в начале 1917 г. подписал секретные соглашения с Великобританией, Францией, Италией и Россией, гарантировавшие ее права на немецкую концессию в Шаньдуне.

Статус и вопрос о территориальной принадлежности провинции Шаньдун, который многим посторонним казался обманчиво простым, на самом деле затрагивал восемь стран: Китай, Германию, Японию, Великобританию, Францию, Италию, Россию и, наконец, Соединенные Штаты, которые имели свой экономический и политический интерес в этом регионе. Учитывая

сложность этой проблемы, неудивительно, что окончательное решение не удовлетворило никого, и уж тем более китайцев.

На Парижской конференции 1919 г. без учета интересов и желания китайского народа было принято решение о передаче Японии бывшей немецкой колонии в китайской провинции Шаньдун.

Возможно, самое большое историческое значение отказа китайской делегации подписать Версальский мирный договор заключалось в том, что он был вызван, по крайней мере частично, огромной волной китайского общественного неодобрения и гнева в связи с решением Парижской мирной конференции. Чэнь Дусю, впоследствии ставший первым лидером китайской Коммунистической партии (КПК), который первоначально поддержал объявление войны в надежде, что та укрепит мировое положение Китая, рассматривал условия Версальского мирного договора как национальное унижение. Его разочарование впоследствии было направлено против западных капиталистических стран и, конечно, Японии, а также против китайского центрального правительства в Пекине, которое, как считалось, потерпело неудачу в своих усилиях добиться равного отношения к Китаю. В результате, после решения Парижской мирной конференции, многие китайские интеллектуалы стали более восприимчивы к сообщениям о политических, экономических и социальных реформах большевиков, которые впервые начали публиковаться в Китае как раз во второй половине 1919 г.

Таким образом:

1) Итоги Парижской мирной конференции убедили китайское общество отвернуться от западной демократии и капитализма. Вместо этого китайские дипломаты и интеллектуалы обратились к Советской России, в поисках пути решений тех же проблем, достижения тех же целей, которые китайская делегация не смогла достичь на Парижской мирной конференции 1919 г., особенно по Шаньдунскому вопросу;

2) Роль «настоящего» друга призваны были сыграть большевики. Советское правительство быстро взяло на себя эту роль, начав пропагандистскую кампанию, направленную на установление более тесных дипломатических и политических связей с Китаем;

3) Конечной целью Советской России, как нам кажется, было стремление отвлечь Китай от влияния Соединенных Штатов и других капиталистических держав, и тем самым способствовать индоктринации социалистических идей в китайское общество.

2. Советско-китайские переговоры в 1919-1923 гг.: урегулирование спорных вопросов

Чтобы воспользоваться недовольством китайского народа Версалем, Советское правительство 25 июля 1919 г. выпустило манифест за подписью Л.М. Карахана. В этой декларации большевики предлагали Китаю дружбу и равноправные отношения, обещали отменить все прежние неравноправные договоры между Россией и Китаем [19, С. 44-45].

В широко распространенной пропагандистской брошюре «Китай и Советская Россия», в которой этот манифест был полностью перепечатан, целая глава была озаглавлена как «Китай и уроки Версаля». «Это было жесткое и показательное сравнение между дружественными предложениями Советского правительства Китаю и наплевательским отношением, которое Китай почувствовал на Парижской мирной конференции со стороны Америки, Великобритании и Франции» [20, С. 3].

В качестве реакции на повсеместное общественное разочарование Версальским договором, Ариф Дирлик определил, что начиная с 1920 г. «китайские издания обращаются к систематическому изучению русской революции и ее идеологии» [21, С. 41]. Марксизм нашел сочувствие среди молодежи, которые участвовали в движении четвертого мая, участвовали в агитации против Версальского договора и Шаньдунского вопроса [22, С. 142].

Интересно, но именно советские обещания немедленного и безоговорочного равенства сделали усилия Вильсона в Париже по урегулированию отношений между Китаем и Японией похожими на предательство [23, С. 45].

Изучение первых попыток Советской России начать дипломатические переговоры показывает, что отношение советского правительства к Китаю было неоднозначным с самого начала. Вопреки заявлениям советского правительства о том, что Дальневосточная Республика (ДВР) является самостоятельным образованием, создание этого буферного образования обговаривалось Л.Д. Троцким и В.И. Лениным. ДВР выстраивала свою политику под четким наблюдением советского внешнеполитического ведомства. Первоочередной целью нового «независимого» государства было начать дипломатические переговоры с народами Дальнего Востока, а затем с Пекинским правительством. Чтобы переговоры проходили легче, ДВР отрицала всякую связь с большевиками и утверждала, что их государственное образование возглавляет демократическое правительство.

Хотя советское правительство официально признало ДВР, Ленин направил 13 августа 1920 г. следующие секретные инструкции: «буржуазно-демократический характер буфера носит чисто формальный характер...Центральный Комитет [Коммунистической партии в Москве] будет руководить политикой Дальневосточной республики через Бюро по Дальнему Востоку, члены которого будут назначаться из Москвы и которые будут непосредственно подчиняться центральному комитету партии» [24, С. 170-171].

Вскоре после образования ДВР в марте 1920 г. ее Министерство иностранных дел направило министру иностранных дел Китая телеграмму, в которой предлагалось начать дружественные политические и экономические отношения. 12 июня 1920 г. Игнатий Юрин в должности начальника дипломатической миссии ДВР в Китае прибыл в сибирский пограничный город Кяхту и направил телеграмму министру иностранных дел Китайской Республики. Однако просьба Юрина о разрешении поездки в Пекин поначалу была оставлена без внимания, как и вторая телеграмма от 24 июня из Министерства иностранных дел ДВР, но в конце концов, пекинское правительство решило разрешить советской делегации въехать в Китай, если Юрин будет являться неофициальным представителем – главой коммерческой, а не дипломатической миссии. Таким образом, всего через шесть месяцев после того, как была создана ДВР, первый большевистский представитель уже прибыл в Пекин и начал продвигать более тесные китайско-советские связи. На встрече между Юриным и представителями Министерства иностранных дел Китая 10 сентября 1920 г. были рассмотрены полномочия Юрина, которые не удовлетворили китайское правительство. Пекинское правительство хотело, чтобы Юрин представил письменное подтверждение того, что другие временные правительства Сибири, и особенно правительство во Владивостоке, также согласились на его назначение. Но это вовсе не означало, что Министерство иностранных дел не стремилось вступать в переговоры с Юриным. ДВР была сосредоточена, по большей части, на решении проблемы Китайско-Восточной железной дороги и проблемы антисоветских сил во Внешней Монголии и некоторых других вопросах, в переговорах между Китаем и ДВР и РСФСР существовали серьезные разногласия по некоторым вопросам, касающиеся суверенитета и интересов Китая [25, С. 2].

Надо отметить, что перед лицом факта существования советской власти китайское правительство изменило свою политику в отношении Советской России. Оно тайно установило неофициальные контакты с советским правительством, ссылаясь на практику западных стран, и направило в Россию делегацию для связи и наблюдения во главе с Чжан-Сы-Лином [26, С. 1].

5 ноября 1921 г. было заключено советско-монгольское соглашение, которое устанавливало дружественные отношения между двумя государствами; все неравноправные договоры и соглашения, заключенные с правительством Монголии и правительством царской России признавались недействительными. «Участники соглашения взаимно обязались не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против РСФСР или Монголии. В экономической сфере РСФСР безвозмездно передавала в собственность монгольского народа телеграфную сеть в Монголии, принадлежавшую РСФСР. В трех дополнительных протоколах РСФСР отказывалась от концессий и экономических привилегий царского правительства, аннулировала дореволюционный долг Монголии России, предоставляла Монголии ссуду на сумму 1 млн рублей» [28, С. 478].

Для давления на Пекинское правительство с целью скорейшего заключения договора на выгодных условиях, советское правительство старалось привлечь на свою сторону Объединенный фронт и побудить Сунь Ятсена активизировать внешнюю политику и вмешаться в дела центрального правительства в Пекине. Это можно подтвердить письмами советского посланника в Китае Иоффе к Марингу от 18 сентября 1922 г. [29]

Последняя встреча Пайкеса с министром иностранных дел Китая состоялась 6 июля 1922 г. Пекин сопроводил свой официальный протест от 1 мая 1922 г. требованием, направленным непосредственно в Москву, чтобы Пайкес был отозван и заменен другим дипломатом с полными переговорными полномочиями. Телеграммы, полученные от китайского консула в Москве, подтверждали, что Пайкес будет отозван и заменен А.А. Иоффе, который на протяжении всего своего пребывания в Китае отстаивал «революционный» подход к решению проблем отношений с Китаем [30, С. 140]. Так провалились первые советско-китайские переговоры, на которых стороны так и не смогли прийти к общему консенсусу по проблеме статуса Внешней Монголии [23, С. 160].

Таким образом:

1) С весны 1920 г. по зиму 1922 г., когда ДВР формально объединилась с СССР, советская стратегия создания «буферного» государства и опоры на политику «открытых дверей» была направлена на свою же собственную защиту;

2) ДВР служила не только «буферным» государством, но и своеобразной «приманкой» для Пекина с тем, чтобы помочь советскому правительству начать дипломатические переговоры с Китаем;

3) Начавшиеся переговоры проходили в Пекине, и это доказывало, что Китай уже признал советскую миссию законным правительством России;

4) Хотя прибытие Юрина и Пайкеса в Пекин не сразу привело к установлению официальных дипломатических отношений, однако дало возможность провести прямые переговоры между советским и китайским правительствами, что в конечном итоге помогло достичь поставленную цель.

3. Дипломатическая миссия Л.М. Карахана и советско-китайское соглашение 1924 г.

Поскольку Пайкесу не удалось убедить Пекин в действии договора 1915 г., СССР изменил тактику и в 1924 г. в Китай был направлен опытный дипломат с официальной миссией для заключения дипломатического договора – Л.М. Карахан. Лев Карахан убедил Китайское правительство признать существование договора 1915 г., даже несмотря на то, что обе стороны согласились с тем, что он не был согласован.

Прибытие Карахана в Пекин было отмечено на официальном банкете 4 сентября 1923 г., где его встретили аплодисментами за то, что он подчеркнул, что два его манифеста 1919 и 1920 гг. остаются в силе и являются базисом для дальнейших переговоров в Китае. Ван, китайский чиновник, ответственный за переговоры с СССР, спросил, почему советские войска находятся во Внешней Монголии. Л.М. Карахан парировал, что Красная Армия находится во Внешней Монголии только для того, чтобы сдерживать опасность нападения белых русских контрреволюционеров, но в случае заключения нового равноправного договора СССР рассматривает возможность вывода войск с территории Внешней Монголии. Карахан согласился, что Москва готова признать, что Внешняя Монголия является китайской территорией и находится под китайским контролем. Единственной нерешенной проблемой было определение графика вывода Красной Армии из Внешней Монголии. Карахан предложил решить этот вопрос на официальной конференции, которая должна была последовать за открытием дипломатических отношений. 3 марта 1924 г. Ван передал результаты переговоров министру иностранных дел Веллингтону Ку, а 7 марта Ку телеграфировал китайскому консулу в Москве и приказал ему поговорить с Чичериным о нескольких нерешенных и спорных вопросах:

1) Китай хотел немедленно отменить все прежние русско-китайские и советско-китайские договоры, в то время как Карахан настаивал на их отмене на конференции, после установления официальных дипломатических отношений;

2) Китай требовал немедленного вывода Красной Армии из Внешней Монголии и аннулирования договоров Советского правительства с Внешней Монголией, в то время как Карахан хотел решить эти вопросы на конференции и отказался допустить конкретное упоминание об отмене советско-монгольского договора 1921 г. в Китайско-Советском соглашении [23, С. 164].

Когда Карахан и Ван встретились 14 марта, Вану все же удалось убедить Карахана добавить новое положение в договор, гласящее, что все прежние соглашения, которые были заключены между царской Россией и Китаем не будут исполняться. Было решено не вносить это изменение в текст, а подписать отдельный секретный протокол [23, С. 165].

Протокол гласил, что все прежние конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т. д. на предстоящей китайско-советской конференции, должны быть отменены; также на конференции должны быть приняты новые договоры. Теперь в официальном проекте договора четко указывалось, что все прежние китайско-российские соглашения не будут исполняться до тех пор, пока не будет созвана официальная китайско-советская конференция и не будут заключены новые договоры, которые заставили бы пересмотреть торговые, консульские и пограничные отношения Китая и СССР. Благодаря затягиванию сроков конференции и неоднократным переносам, Советскому Союзу удалось значительно расширить свое влияние в Китае начиная с 1924 г., и до момента разрыва дипломатических отношений с Москвой в 1927 г. При этом, в течение указанного трехлетнего периода Советское правительство было полностью освобождено от бесчисленных договорных ограничений, которые применялись к другим странам.

Мы выделяем три основные причины, по которым трудно было прийти к соглашению:

1) Прежде всего, стратегии и цели переговоров у обеих сторон были различны. Л.М. Карахан воспользовался улучшением общей внутренней ситуации в Советском Союзе, относительным спокойствием на международной арене, а также настроением китайского общества, чтобы возобновить официальные дипломатические отношения, а затем обсудить конкретные рассматриваемые проблемы в ходе конференции. В свою очередь, представитель Пекина Ван Чжэнтин предложил «разрешать споры путем переговоров до возобновления дипломатических отношений». Он настаивал на том, что договор следует заключать только после того, как советское правительство выполнит все условия, которые были обещаны Китаю в двух нотах советского внешнеполитического ведомства. Так оба государства пытались использовать ноту Л.М. Карахана как своеобразный рычаг в переговорах по статусу Китайско-Восточной железной дороги и проблеме Внешней Монголии;

2) Существовали серьезные разногласия по поводу суверенитета и интересов Китая. В основном они сводились к проблеме о собственности КВЖД и выводе советских войск из Монголии. Карахан признал суверенитет китайского правительства над Монголией, но отказался от аннулирования соглашения с местными властями Монголии в 1921 г. и не соглашался на немедленный вывод войск из Монголии, в свою очередь, выдвигая свои условия для вывода советских войск;

3) Наконец, между двумя сторонами возникало определенное недопонимание, перераставшее в напряженность. В ходе переговоров Л.М. Карахан занимал жесткую позицию и пытался оказывать давление на китайских партнеров. Сначала он заявлял, что, если Пекин не примет его точку зрения, он будет вынужден спланировать отъезд в Японию, для установления дипломатических отношений с «опасным соседом Китая». Это усилило атмосферу недоверия в советско-китайских переговорах.

В феврале 1924 г., после того как, кабинет лейбористов Великобритании признал суверенитет СССР, представители советского правительства почувствовали себя намного увереннее [30, С. 343]. В то же время, увеличение силы правительства Гоминьдана в Южном Китае при

поддержке СССР, и растущие призывы в китайском обществе к установлению дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом создавали новое давление на Пекин. В этой ситуации советское правительство и Китай, испытывавший трудности как внутри государства, так и на международной арене, возобновили переговоры в феврале. Под давлением обстоятельств Ван Чжэнтин проигнорировал разногласия Кабинета министров по этому законопроекту и 14 марта разработал новый проект договора: «Соглашение об общих принципах по урегулированию вопросов между СССР и Китайской Республикой» и приложение к нему, разработанное совместно с представителем советской стороны Л.М. Караханом [25, С. 3].

Кабинет министров отверг этот проект. Это вызвало большой общественный резонанс. В связи с этим, Карахан вручил Ван Чжэнтину ноту, в которой говорилось о необходимости одобрить соглашение в течение 3 дней. Он заявил, что если китайское правительство этого не сделает, то всю ответственность за срыв переговоров должно нести китайское правительство.

Карахан очень хорошо понимал силу, которую нес в себе этот договор и был готов пойти на большой риск, чтобы проект договора был ратифицирован без изменений. 16 марта 1924 г. Сунь Ятсен подписал директиву № 24, поддерживающую внешнеполитические цели СССР в Китае. Карахан публично обвинил пекинское правительство в нерешительности ратифицировать соглашение, указывая на давление капиталистических держав. Затем Карахан распорядился, чтобы содержание проекта договора от 14 марта было опубликовано в местной китайской прессе. Обвинение Карахана в иностранном вмешательстве было затем подхвачено Гоминьданом и Китайской коммунистической партией, которые первыми осудили пекинское правительство за то, что оно поддавалось иностранному давлению и не ратифицировало проект китайско-советского договора [23, С. 169].

Л.М. Карахан утверждал, что «если бы китайские власти каким-либо образом оказывали содействие «белыми бандитам», то советская армия уже находилась бы на территории Китая, чтобы защитить безопасность Советского Союза военной силой, также, как это было во Внешней Монголии в 1921 г.» [19, С. 75]. 31 мая 1924 г. окончательный вариант китайско-советского договора был подписан чрезвычайным послом СССР Львом Караханом и министром иностранных дел Китайской Республики Веллингтоном Ку.

Таким образом:

1) Угрозы и ультиматумы Карахана напоминали тактику давления, которую использовала Япония, чтобы заставить Китай принять «Двадцать одно требование», но советское правительство добавило новый интересный метод воздействия на государственные круги Китая, настроив китайское общественное мнение против пекинского правительства;

2) После двух месяцев бесплодных переговоров, Пекин наконец уступил китайскому общественному давлению, спонсируемому и поддерживаемому, главным образом, Советским Союзом, создавая тем самым «объединенный фронт», который возглавили две соперничающие в политическом отношении силы – КПК и Национальная партия Китая под руководством Чан Кайши. «Объединённый фронт» выступил в поддержку проекта соглашения.

4. Фактор Внешней Монголии

Хотя в этом договоре было оговорено, что Внешняя Монголия является «неотъемлемой частью Китайской республики» и Советское правительство обещало уважать «суверенитет Китая в этой стране», в нем далее указывалось, что график вывода советских войск из Внешней Монголии должен быть определен на официальной китайско-советской конференции, которая должна была состояться через месяц. Однако Москва отказалась отменить свои договоры с Внешней Монголией.

Чтобы оттянуть созыв китайско-советской конференции, Карахан 28 июня 1924 г. настоял на том, чтобы официальная китайско-советская конференция была отложена, поскольку его «эксперты и секретари» еще не прибыли из Москвы. В конце своего письма Ку, Карахан пригрозил дальнейшими задержками: он заявил, что достигнет договоренности с Ку о назначении

конференции только «по получении инструкций от моего правительства». министр иностранных дел Ку напомнил Карахану, что по условиям соглашения от 31 мая 1924 г., 30 июня является последней датой, когда может быть созвана официальная конференция [23, С. 172].

Китай зашел в дипломатический тупик: с одной стороны, Пекину было нелегко заставить Москву начать китайско-советскую конференцию, а с другой, Пекин не мог публично протестовать или привлечь другие иностранные державы для противодействия тактике затягивания переговоров со стороны Москвы, поскольку это было бы равносильно публичному признанию слабости Пекина.

Наконец, как только первоначальный срок проведения китайско-советской конференции 30 июня 1924 г. пройдет без официального протеста Китая, протест против любых дополнительных задержек может просто поставить вопрос о том, почему Пекинское правительство так затягивало этот процесс.

Хотя Советский Союз признал, что Внешняя Монголия остается неотъемлемой частью Китая, без проведения китайско-советской конференции нельзя было установить крайний срок вывода Красной Армии из Внешней Монголии. Это означало, что законная власть СССР над Внешней Монголией получила теперь фактическое признание со стороны Китая. До тех пор, пока советско-китайская конференция не соберется, а если и соберется, то не сумеет договориться о новых условиях, Советский Союз сохранит свое особое положение во Внешней Монголии.

Советский союз усилил свою власть над Внешней Монголией в сентябре 1924 г., когда была проведена чистка, организованная революционной молодежной лигой. Организация, «полностью подчинявшаяся Советским советникам и в особенности главе тайной полиции, подготовила казнь одного из главнокомандующих внешней монгольской армией, а также казнь пяти других видных монгольских вождей» [23, С. 203]. В начале сентября 1924 г. СССР оказал экономическое давление на последних оставшихся американских, европейских и японских бизнесменов во Внешней Монголии. Все они были в конечном итоге арестованы и высланы из страны. Тем временем Москва попыталась разорвать прочные связи Китая с Внешней Монголией, так как все оставшиеся китайские купцы также были вынуждены уехать. К концу сентября 1924 г. почти вся несветская внешняя деятельность во Внешней Монголии прекратилась, поскольку СССР поглощал политическую, экономическую и культурную жизнь Внешней Монголии в свою собственную. Политическая чистка позволила монгольской тайной полиции проложить «путь к полной советизации Внешней Монголии» [31, С. 388-389]. Монгольская Народная Республика основана 25 ноября 1924 г.: была обнародована новая конституция, название столицы изменено с Урги на Улан-Батор. Связи между Советским правительством и Внешней Монголией стали настолько тесными, что, начиная с 1925 г. «сталинские ограничения, контроль и политическая радикализация разворачивались в Монголии с кажущейся неизбежностью, как раз тогда, когда они развивались в самом Советском Союзе» [33, С. 44].

Именно постоянное «оттягивание» созыва конференции до неопределенного срока вывода Красной Армии дало Советскому Союзу такую большую свободу действий в его политике в отношении Внешней Монголии. Как подметил известный историк, мощь Китая во Внешней Монголии была значительно уменьшена: «отсутствие трехстороннего договора, подобного договору 1915 г., или прямой китайско-монгольской конвенции, должно было объяснить это» [34, С. 90].

Министр иностранных дел Чичерин подтвердил это более широкое толкование автономии Внешней Монголии в конце 1924 г., когда он объяснил: «Мы признаем Монгольскую Народную Республику частью Китайской Республики, но мы признаем также его автономию в столь далеко идущем смысле, что считаем его не только независимым от Китая во внутренних делах, но и способным самостоятельно проводить свою внешнюю политику» [31, С. 382].

Как только Советский Союз полностью подтвердил свою политическую, военную и экономическую власть над Внешней Монголией, Карахан объявил 6 марта 1925 г., что Москва решила вывести свои войска и что Красная Армия уже покинула Внешнюю Монголию. Но американские официальные лица в Калгане сообщили, что около 500 советских солдат фактически

остались во Внешней Монголии и что эти войска помогли подготовить приблизительно 40 000–50 000 монгольских солдат [34, С. 218]. То, что Советский Союз не имел намерения возвращать Внешнюю Монголию под контроль Китая, было подтверждено на встрече Чичерина с китайским консулом в Москве 7 мая 1925 г. В ответ на замечание консула о том, что Пекин планирует ввести гарнизонные войска во Внешнюю Монголию для замены Красной Армии, Чичерин тут же предупредил, что если китайские войска будут направлены во Внешнюю Монголию, то монгольские войска будут уничтожены. Люди, конечно, будут сопротивляться, и Советский Союз не будет просто сидеть и смотреть, а сразу же поддержит их. Чичерин явно угрожал применить силу, если Китай вмешается во Внешнюю Монголию, что ставит под сомнение «независимый» статус Внешней Монголии.

Между тем фикция независимости Внешней Монголии поддерживалась тем, что все войска Красной Армии уже были выведены из Внешней Монголии. Фактически эти войска остались, но Китай не мог заставить СССР обсуждать график вывода войск, поскольку Москва теперь утверждала, что такой график больше не нужен.

Хотя переговоры о выводе Красной Армии из Внешней Монголии имели для Китая огромное значение, когда после четырнадцатимесячной задержки была создана официальная советско-китайская конференция, этот вопрос даже не поднимался. На переговорах не только не обсуждался крайний срок вывода советских войск из Внешней Монголии, но и злополучный трехсторонний договор 1915 г., который так никогда и не пересматривался. Это означало, что, по крайней мере теоретически, трехсторонний договор 1915 г. продолжал оставаться основой отношений Советского Союза и Китая с Внешней Монголией [23, С. 178].

Линь Цзюнь – преподаватель Харбинского университета, так характеризует сложившееся положение: «Следует также отметить, что из-за задержки китайско-советской конференции, которая должна была быть проведена в кратчайшие сроки в соответствии с соглашением, и где должны были быть решены некоторые разумные требования китайской стороны, такие как: выкуп КВЖД, вывод войск из Внешней Монголии, плавание в Хэйлунцзяне, компенсация потерь китайцев, живущих за границей и т. д. Все эти вопросы «повисли в воздухе» и находились на рассмотрении в течение долгого времени, в итоге большинство из них фактически провалилось» [25, С. 7].

Основные выводы

1) Китай рассматривался российскими большевиками как важное поле битвы с империализмом из-за его размера и географической близости к России [35, С. 169]. Москва перехитрила Пекин, убедив его признать трехсторонний договор 1915 г. одновременно с тем, что обе страны согласились не применять его. Когда СССР отказался пересмотреть новый договор, у Китая не было иного выбора, кроме как признать, что Внешняя Монголия теперь стала частью возглавляемого Советским Союзом коммунистического блока.

По мнению американского историка Б. Эллемана, «Москва направила эти методы против более слабой, неразвитой страны – Китая, чьи интересы как она заявляла, отстаивает. Двумиличие СССР представляет собой один из первых документально подтвержденных примеров того, как большевики проводили свою экспансионистскую политику в слаборазвитой стране. Хотя советская пропаганда утверждала, что СССР борется за экономические и политические права Китая, никакая идеология не могла скрыть желания советских лидеров расширить свой контроль в пределах традиционных границ Китая» [23, С. 172].

В этом отношении описание Робертом Такером стремления Сталина к тотальному контролю как «главной цели» СССР после Второй мировой войны, по-видимому, уходит своими корнями в 1920-е годы.

Это говорит о том, что решение СССР вести антиимпериалистическую пропаганду в начале 1920-х годов просто маскировало его собственные империалистические амбиции. В целом: «Советская политика в Китае формировалась в духе идеологии революционного интернационализма, которая предполагала приоритет задач китайской революции, по сравнению с традиционными интересами России» [36, С. 132].

СССР использовал приемы, применявшиеся двумя десятилетиями позже в других частях евразийского континента – пропаганда «дружественного социализма», «высшего типа» демократии, «борьбы против мирового империализма», которые скрывали главную цель и суть – фактический военно-экономический контроль над ресурсами другого государства [37, С. 182].

2) Как справедливо отмечает Г.Н. Пескова, советско-китайское соглашение 1924 г. заложило основу для дальнейшего развития отношений между СССР и Китаем и позволило впоследствии установить консульские отношения, создав разветвленную сеть советских консульских учреждений в Китае [16, С. 134].

3) Внешняя Монголия оставалась неотъемлемой частью возглавляемого Советским Союзом коммунистического блока с 1924 по конец 1980-х годов – дольше, чем любой другой регион, за исключением Танну-Тувы, которая ранее не входила в состав царской Российской империи. Хотя советское правительство восстановило свою власть над Внешней Монголией благодаря вмешательству Красной Армии в 1921 г., оно укрепило свои позиции с помощью своей дипломатии с Китаем с 1921 по 1925 гг.

Библиография

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 430 с.
2. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. 412 с.
3. Мясников В.С. Русско-Китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 135–143.
4. Мясников В.С., Степанов Е.Д. Границы Китая : История формирования, М., 2001. 469 с.
5. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. 624 с.
6. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия: Вопросы международных и междивизиационных отношений. М., 1994. 320 с.
7. Тихвинский С. Л. Русско-китайские отношения в XX. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг. М., 2010. 861 с.
8. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е гг. XX века. М., 2002. 383 с.
9. Дацышен В.Г. Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД. М., 2011. С. 51-62.
10. Кротова М.В. Советское присутствие на КВЖД в 1924-1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139-150.
11. Кротова М.В. Конфликт на КВЖД 1929 г.: информационная война и политические настроения русских [в Маньчжурии // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2013. № 10. С. 85-97.
12. Кротова М.В. Советско-китайское управление на КВЖД в 1924-1935 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С.63-71
13. Славинский Д.Б. Советский Союз и Китай: история дипломатических отношений. 1917-1937. М., 2003. С. 139-156.
14. Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2000. 405 с.
15. Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между советской Россией и Китаем. 1917-1924 гг.// Новая и новейшая история, 1997, № 4. 223 с.
16. Гришаева Л.Е. От Версаля к войне...О «роли» «буферных» государств // Дипломатическая служба. 2019. №2 (83). С. 16-40.
17. РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 985.

18. Russell H. Fifield, Woodrow Wilson and the Far East. 1952. 408 p.
19. Советско-китайские отношения 1917-1957 гг. Сборник документов. М., 1959 г. 466 с.
20. Виленский-Сибиряков В.Д. Китай и Советская Россия: из вопросов нашей дальневосточной политики. М., 1919. 16 с.
21. Arif Dirlik. The Origins of Chinese Communism. 1994. 336 p.
22. James E. Sheridan. China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912-1949. 352 p.
23. Bruce Elleman. Diplomacy and Deception: Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-1927. 344 p.
24. David J. Dallin. The Rise of Russia in Asia. 2008. 293 p.
25. Линь Цзюнь. 1924 нянь Чжун Су фу цзяо шупин (О восстановлении советско-китайских отношений в 1924 г.). Шицзе лиши. 1990, № 1, 1.
26. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М., 2008. 704 с.
27. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. 592 с.
28. Жигалов Б.С. О характере и целях Дальневосточной политики советского государства в 1920-1924 гг. Вестник Томского государственного университета. № 4 (12) 2010. С. 135-148.
29. РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 985, л. 12-13.
30. Мировицкая Р.А. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М., 2012. С. 336-345.
31. Tang Peter S.H. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911-1931. Durham: Duke University Press, 1959. 494 p.
32. Robert Rupen. How Mongolia Is Really Ruled: A Political History of the Mongolian People's Republic, 1979. 225 p.
33. Pavlovsky Michel N. Chinese and Russian Relations. 1949. Reprint, Westport, CT: Hyperion, 1981. 194 p.
34. Campi Alicia Jean. The Political Relationship Between the United States and Outer Mongolia, 1915-1927: The Kalgan Consular Records. Indiana University Dissertation, 1988. 844 p.
35. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. 17. 608 с.
36. Сидоров А. Ю. Внешняя политика советской России на Дальнем Востоке (1917-1922). - М: МГИМО, 1997. – 159-173 с.
37. Dallin Alexander (ed.). Soviet Conduct in World Affairs. New York, 1960. 182 p.

SOVIET-CHINESE RELATIONS IN 1919-1924: FORMATION OF THE FAR EASTERN KNOT OF CONTRADICTIONS

Gerasimov D.I.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines an important and urgent problem - the establishment of Soviet-Chinese diplomatic ties and the resulting set of contradictions that had a direct impact on the emerging Versailles-Washington system of international relations at that time.

After World War I, the USSR and China found themselves in international isolation. The USSR, a young state with a radical communist ideology, not recognized by the European powers, and China, torn apart by internal contradictions and economically weak, were forced to look for common ground, not being included in the Versailles-Washington system.

The tactics of the Soviet government in China in the 1920s anticipated the policy in Europe after World War II, almost a quarter of a century later. The simple fact that the methods used by the USSR to draw Outer Mongolia into the Soviet-led communist bloc preceded those used throughout Eastern Europe after World War II strongly suggests that some, if not all, of the diplomatic characteristics which later became associated with the Cold War were already in use in the 1920s.

Modern researchers, having an extensive source base and having the opportunity to show scientific dissent, are only at the beginning of the path to create a holistic work on the history of Soviet-Chinese relations in the interwar period, the importance of studying which is growing for an objective understanding of the origins and causes of World War II.

Key words: Outer Mongolia, Karakhan, Wellington Koo, Pikes, Soviet-Chinese relations, Soviet-Chinese treaty of 1924, Far Eastern Republic.